Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Подсудимый Булгаков

05.10.2026.

Сцена из спектакля «Дни Турбиных». МХАТ, 1926. Художественный руководитель Константин Станиславский, режиссер Илья Судаков, художник Николай Ульянов. Фото из фондов Музея МХАТ.

Сразу скажу: я обожаю Михаила Булгакова, все его произведения читала и перечитывала, а «Мастера и Маргариту» знаю практически наизусть и настолько слилась с героями, что ни одна экранизация не кажется мне достаточно верной авторскому замыслу. Поэтому новость о демонтаже его памятника в Киеве я восприняла с грустью. Тема эта сложная и болезненная, но я беру на себя смелость поднять ее, поскольку моя позиция известна: уже 24 февраля 2022 года я публично выступила против войны, но одновременно против ненависти и за сохранение здравого смысла. С тех пор моя позиция не изменилась.

Мне могут сказать, что людям, страдающим от обстрелов, не до русского языка и литературы. Я это понимаю и принимаю, но факты свидетельствуют об обратном. 4 июня этого года на официальном портале Киева появилась такая информация:

«В столице демонтировали памятник Михаилу Булгакову, находившийся на Андреевском спуске. Монумент передали на хранение наследнице скульптора Николая Рапая.

Как сообщили в Департаменте охраны культурного наследия Киевской городской государственной администрации, ранее наследница обратилась в межведомственную рабочую группу по вопросам организационно-правовых мер по устранению памятных объектов, связанных с историей и культурой России и СССР, с просьбой передать ей работу отца для личного хранения.

Напомним, решение об устранении памятника из публичного пространства столицы Киевсовет принял 18 декабря 2025 года.

Основанием для демонтажа стало экспертное заключение Украинского института национальной памяти об отнесении объектов, посвященных российскому писателю Михаилу Булгакову, к символике российской имперской политики. Заключение подготовлено в соответствии с Законом Украины «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии».

Согласно заключению, Михаил Булгаков включен в перечень лиц, которых российская пропаганда использует для глорификации российской имперской политики, а связанные с ними объекты подлежат устранению из публичного пространства.»

Если у украинских экспертов и чиновников находится время, чтобы заниматься этими вопросами, значит, они для них важны. А тогда можно и нужно говорить о них.

Михаил Булгаков (1891-1940). 1930-е годы. Неизвестный фотограф. Из фондов Музея Михаила Булгакова.

В начале этого года, вспоминая Олимпийские игры в Сочи, я уже задавалась вопросом о том, обладает ли та или иная власть эксклюзивными правами на национальную культуру и разумно ли наказывать представителей этой культуры, включая Михаила Булгакова, за то, что их имена и творчество используются в пропагандистских целях – чаще всего, посмертно. На мой взгляд, нет и нет. Деятель культуры, а в данном случае писатель, принадлежит не государству, не языку, не городу и не стране – он принадлежит литературе. И нет у него возможности противостоять использованию себя в тех или иных целях, особенно с того света. Михаил Булгаков и его пьеса «Дни Турбиных» – отличный конкретный пример.

«Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием», – так начал Михаил Булгаков автобиографию длиной всего в одну страничку, написанную в октябре 1924 года и опубликованную в последнем томе пятитомного Собрания сочинений 1990 года издания. И продолжил: «В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишенные отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни».

Так и было, недаром в «Днях Турбиных» штабс-капитан Мышлаевский говорит юному Николке Турбину: «Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную

шваль перевешал на одном суку!»

Перед тем, как взяться за эту статью, я перечитала пьесу «Дни Турбиных», первое, второе и третье действия которой происходят зимой 1918 года, а четвертое – в начале 1919 года. Исторический момент понятен: прошел всего год после большевистской революции, только-только завершилась Первая мировая война, а на территории бывшей Российской империи идет война Гражданская, братоубийственная. Все четыре действия происходят в Киеве, где меняются власти, армии, знамена, лозунги. В это время Булгаков находился в своем родном городе и в очерке «Киев-город» написал: «По счету киевлян у них было 18 переворотов, некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил».

На фоне политического хаоса люди пытаются понять, кому присягать, за что сражаться и стоит ли ради этого умирать. Все разнообразие мнений показано на примере Турбиных и людей, собирающихся в их доме; в доме, где привыкли жить, любить, спорить, пить вино, петь романсы под гитару, слушать часы с боем, принимать друзей и провинциальных родственников, и куда История врывается вместе со стрельбой за окнами. Хаос на улицах под стать хаосу в головах, что прекрасно показывает Булгаков – не от собственного имени, заметьте, а устами своих персонажей, среди которых русские офицеры, гетман Украины, петлюровцы, германские военные, юнкера и гайдамаки.

Афиша первых спектаклей «Дней Турбиных» во МХАТе, 5–7 октября 1926 года. Фото из фондов Музея МХАТ.

Стоит напомнить, что проблемы с пьесой «Дни Турбиных» – тот самый суд над Булгаковым, который продолжается по сей день – начались еще до премьеры. «Многочисленные замечания, высказанные весной 1926 г. после генеральной репетиции, подвигли к еще одной правке пьесы, которая к премьере (5 октября 1926) обрела необходимые идеологические контуры. За сценой в финале “все громче” звучал “Интернационал”, капитан Белой армии Мышлаевский делал свой выбор в пользу новой власти. Несмотря на очевидный компромисс, “Дни Турбиных” были встречены кампанией травли театра и драматурга. Постановка пьесы Булгакова была разрешена только Художественному театру, но и с мхатовской афиши ее несколько раз изымали», – рассказывает на сайте МХАТ виднейший российский историк театра Александр Смелянский.

Я постаралась перечитать пьесу максимально объективно, стараясь понять, кого и почему она могла задеть. И задела. Удивительно, как мало изменились и чувства, и аргументы за прошедшие сто лет.

В 1926 году одна из главных претензий со стороны утвердившейся советской власти состояла в том, что белые офицеры изображены людьми, вызывающими сочувствие, а не классовыми врагами-карикатурами. Из-за этого пьесу обвиняли в «пропаганде белого движения», буржуазности и контрреволюционности. При этом известно, что Сталин смотрел «Дни Турбиных» во МХАТе неоднократно; по распространенной версии – не менее пятнадцати раз, хотя документально точное число его посещений не установлено.

Свое отношение к пьесе Сталин объяснил сам. На встрече с украинскими

литераторами 12 февраля 1929 года, неправленая стенограмма которой есть на сайте Электронной библиотеки исторических документов, он говорил, что даже такие «крепкие, стойкие» люди, как Турбин и его окружение, в конце концов вынуждены признать бессилие перед большевиками, и назвал «Дни Турбиных» «величайшей демонстрацией в пользу всесокрушающей силы большевизма». При этом Сталин прекрасно понимал, что сам Булгаков такого смысла в пьесу не вкладывал: «Я думаю, что автор, конечно, этого не хотел, в этом он неповинен». Согласитесь, редкий по выразительности пример того, как власть способна приспособить к собственной идеологии даже произведение, написанное совсем не для ее прославления! Украинские участники встречи со сталинской трактовкой категорически не соглашались. В стенограмме даже зафиксирована реплика Лазаря Кагановича, в 1925-1928 годах возглавлявшего Компартию Украины : «Украинцы не согласны (шум, разговоры)». Они прямо требовали снять пьесу: «Мы хотим, чтобы наше проникновение в Москву имело своим результатом снятие этой пьесы». Сталин пьесу защищал, однако уже в марте было принято решение изъять из репертуара советских театров не только «Дни Турбиных», но вообще все пьесы Булгакова. Разумеется, нельзя утверждать, что это произошло по требованию украинских писателей, но схожесть в оценках 1929 и 2026 годов поразительна.

Письмо М.А. Булгакова правительству СССР. Март 1930 г. Музей Михаила Булгакова, Москва

28 марта 1930 года доведенный до отчаяния писатель обратился с письмом к Правительству СССР, фактически поставив вопрос ребром: дайте мне работать или дайте уехать. 18 апреля ему неожиданно позвонил Сталин. «А может быть, правда – Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?» Булгаков ответил: «Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может». – «Вы правы. Я тоже так думаю», – ответил Сталин и спросил, где Булгаков хотел бы работать. Вскоре его приняли во МХАТ. В 1932 году «Дни Турбиных» вернулись на сцену, но свободным писателем Булгаков от этого не стал. Запреты, цензура и невозможность публиковать значительную часть написанного сопровождали его до смерти, а «Мастер и Маргарита», роман, благодаря которому его имя сегодня известно во всем мире, при его жизни не был опубликован. Так что особенно парадоксально видеть в Булгакове удобный символ государственной имперской политики: от государственной машины собственной страны он сам тяжело пострадал.

При этом желающие обидеться на Булгакова найдутся по обе стороны нынешней границы – и не только.

Больше всего претензий, конечно, может возникнуть у украинцев. Отношение Булгакова к украинскому национальному движению было резко отрицательным, петлюровцы изображены без всякой симпатии, обильно присутствующая в тексте украинская речь порой может показаться карикатурной, хотя приводится без перевода – видимо, автор не сомневался, что и русскоязычные читатели прекрасно все поймут.

Неудивительно, что и сегодня многие украинцы – и далеко не только украинцы! – вздрогнут, читая такую сцену:

«Студзинский: Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Николка: Да здравствует Россия!
Шервинский: Позвольте слово! Вы меня не поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича…»

Правда, пафос Шервинского сводится на нет следующей репликой Мышлаевского: «Какого Александровича? А говорит, я нализался…»

При этом, если внимательно читать «Дни Турбиных», список потенциально оскорбленных окажется длиннее.

Не меньше чем украинцев эта пьеса могла возмущать большевиков в прошлом веке и еще сегодня способна возмутить некоторых россиян. Чего стоит одна тирада полковника Алексея Турбина: «Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас! […] Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики.»

Но гетман не спасает Россию. При приближении войска Петлюры, которого Алексей Турбин называет «черным туманом», он бежит в Германию, переодевшись в немецкую форму. К этому времени уже бежали и его адъютант князь Новожильцев, и командующий Добровольческой армии со всем штабом, и муж Елены Турбиной – презираемый всеми полковник Тальберг, бросив остальных на произвол судьбы. «Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень», – замечает германский генерал фон Шратт. «Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков», – рассуждает Тальберг перед бегством.

Евреи могут обидеться на командира 1-й конной петлюровской дивизии Болботуна, разглагольствующего о «жидах-коммунистах». Впрочем, евреи на такие мелочи уже не обижаются, а вот коммунисты -- вполне. Татары, в свою очередь, – на гимназического надзирателя Максима, чем-то напоминающего чеховского Фирса в «Вишневом саде». Вот как он реагирует на безобразие во вверенном ему учреждении: «Всякие – за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать… […] Татары, прямо татары…»

Булгаков явно не слишком заботился о чувствах потомков. Но литература, кажется, существует не для того, чтобы никого не обидеть. И что из этого следует: не читать?

Памятник Михаилу Булгакову на Андреевском спуске в Киеве. Фото: Олег Юнаков / Wikimedia Commons, CC BY-SA 3.0.

Нет, «Дни Турбиных» – не пацифистский манифест. Но совершенно очевидно: война в этой пьесе не приносит никому ни величия, ни счастья. Она разрушает дом, превращает вчерашнего соседа во врага, заставляет человека выбирать между убеждениями и жизнью. И как не содрогнуться сегодня, читая обращенные к юнкерам слова Алексея Турбина «Кого вы желаете защищать?» и его отзыв о «генералах и штабной ораве»: «Они вас заставят драться с собственным народом. А

когда он вам расколет головы, они убегут за границу». Или крик души Мышлаевского: «Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?!» Или две последние реплики пьесы, на фоне звучащего за сценой и все приближающегося «Интернационала»:

«Николка: Господа, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.
Студзинский: Кому – пролог, а кому – эпилог.»

И как не проникнуться симпатией и сочувствием к неловкому, наивному провинциальному Лариосику, который за кремовыми шторами в доме Турбиных забывает обо всех ужасах Гражданской войны и признается: «Мне страшно надоела стрельба. Я не люблю…»

Кого из персонажей считать «голосом автора»? Не берусь судить. Но именно это многоголосие и противоречило господствовавшей тогда идеологической установке, предписывавшей «пение в унисон». Кстати, этот жанр идеологически правильного «хорового пения» жив и поныне и распространился далеко за пределы России – трудно приходится тому, кто решается на «сольную партию».

Спустя сто лет «Дни Турбиных» снова говорят о Киеве, войне, страхе, выборе, человеческом достоинстве и доме, который люди пытаются сохранить, пока вокруг рушится привычный мир.

И здесь возникает парадокс. Сегодня в России судят людей за выступления против войны. А за что же судят Булгакова в Украине? За то, что сто лет назад он «неправильно» относился к украинскому национальному движению? За то, что его Киев не совпадает с сегодняшним представлением Киева о самом себе? За реплики его персонажей? Или писатель обязан был предвидеть, какие взгляды на национальную историю будут считаться правильными через столетие?

Конечно, Украина, пятый год живущая в условиях полномасштабной войны, начатой Россией, имеет полное право решать, кого она хочет видеть на своих улицах и площадях. При этом и в самой Украине представления о том, кто достоин почитания, а кто осуждения, далеко не однозначны, и споры вокруг политики исторической памяти продолжаются, как и вокруг демонтажа памятника Булгакову. Россия же сама превратила историю, язык и культуру, традиционно относимые к инструментам «мягкой силы», в инструменты войны, и требовать от воюющего общества бесстрастного к ним отношения было бы нелепо.

Но право демонтировать памятник еще не означает, что им надо обязательно воспользоваться. Булгаков – не генерал армии, захватившей Киев, не чиновник, проводивший политику русификации, не идеолог государства. Он писатель.

Я не предлагаю закрывать глаза на то, что Булгаков писал и думал об Украине. Напротив: читать надо все. Не вырывать удобные цитаты, не превращать писателя ни в святого, ни в политический символ, а – читать. Спорить с ним. Возмущаться им. И признавать масштаб созданной им литературы.

Мне искренне жаль тех, кто из преходящих идеологических соображений лишит себя радости знакомства и общения с великим писателем, тем более что история уже однажды продемонстрировала бессилие запретов в отношении Булгакова.

Можно демонтировать памятник. Можно переименовать улицу. Можно объявить писателя символом чужой империи, изъять его книги из библиотек, перестать ставить его пьесы, запретить переводы. Но нельзя запретить людям читать и любить великие книги, ведь как сказал сам Булгаков, «рукописи не горят».

Пустой пьедестал памятника Михаилу Булгакову на Андреевском спуске в Киеве после демонтажа памятника. Июнь 2026 года.
Михаил Булгаков Дни Турбиных
Михаил Булгаков
Памятник Булгакову в Киеве

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/bulgakov-dni-turbinyh-kiev*